

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ РѢКИ КАФЕРНИГАНА.

(Очеркъ горной Бухары).

Глава I.

Устье Кафернигана.—Видъ на Аму-Дарью.—Остатки моста.—Положеніе Айваджи.—
Легенда объ орлиномъ царѣ.

Безконечное волнующееся море камышей покрываетъ широкую долину, ограниченную горными хребтами Баба-тау и Койчитау, среди которой извивается теченіе рѣки Кафернигана, впадающаго около Айваджи въ красавицу Аму.

Слово Каферниганъ обозначаетъ въ переводѣ—невѣрное чудовище и рѣка, по справедливости, своею измѣнчивостью вполнѣ заслужила это названіе.

То спокойно протекая въ своихъ берегахъ и покрывая водою лишь дно русла, тихо плещутся волны рѣки, образуя изрѣдка въ особенно глубокихъ мѣстахъ незначительные водовороты и омывая цѣлый рядъ песчаныхъ отмелей, выступающихъ изъ подъ воды около береговъ.

То будто бѣшеная вздувается рѣка внезапно прибывшими съ верховьевъ водами и одна другой больше поднимаются огромныя мутныя волны, наполняя все русло до самыхъ краевъ. Съ шумомъ и сердитыми всплесками начинается прибыль воды. Русло уже не вмѣщаетъ ея огромнаго количества и, дойдя до верха, мутныя волны выплескиваются изъ береговъ и, быстро струясь по цѣлому ряду старыхъ протоковъ, заполняютъ собою всѣ впадины; широко разливаются по сторонамъ, превращаясь въ колоссальной величины рѣку, съ ревомъ несущуюся среди острововъ, срывая ихъ и вынося въ Аму-Дарью.

Черезъ сутки прибыль воды уменьшается, и рѣка снова входитъ въ свои берега, а окружающая равнина, покрытая мѣстами жирнымъ иломъ, носить на себѣ слѣды недавно бушевавшихъ волнъ, оставшихся кое-гдѣ въ видѣ довольно глубокихъ озеръ, которыя затѣмъ черезъ двѣ-три недѣли, подѣ дѣйствіемъ горячихъ лучей южнаго солнца, высыхаютъ и быстро покрываются вновь густою порослью молодыхъ камышей.

Съ началомъ лѣта, въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ Гиссарскаго хребта, вода прибываетъ болѣе равномерно, держась довольно долгое время на одномъ уровнѣ, находящемся въ полной зависимости отъ дождей въ горахъ.

Стали темнѣть облака на сѣверѣ, засверкали зигзагами молніи въ горахъ, полились потоки дождя и черезъ нѣсколько часовъ, снова поднимаясь въ верховьяхъ, несется огромная водяная масса, разливаясь и смывая на своемъ пути всѣ препятствія.

Реветь, мечется Каферниганъ, какъ живой, то выбрасываясь изъ береговъ на равнину, то снова уходя въ берега клокочущей волной; образуя водовороты, несется онъ къ Аму-Дарѣ, выбрасывая на ея отмели свою добычу—труны утонувшихъ людей и животныхъ.

Съ скрипучими пронзительными криками кружатся чайки надъ отмелями, встревоженный видомъ утопленника. Почувявъ трупный запахъ, слетаются съ ближайшихъ горъ орлы и, описывая огромныя круги въ воздухѣ, парятъ надъ рѣкою, веселымъ клекотаніемъ сзывая товарищей, но измѣнчивая красавица Аму, ласково принимая даръ влюбленнаго въ нее Кафернигана, внезапнымъ всплескомъ своей волны смываетъ трупъ съ отмели и погружаетъ его въ свои пучины, моментально закрывая свою добычу песками и иломъ.

Невдалекѣ отъ впаденія Кафернигана въ Аму-Дарью, виднѣется широкая и высокая дамба, протянувшаяся перпендикулярно къ рѣкѣ и служившая въ далекомъ прошломъ началомъ моста, существовавшего въ то время черезъ Аму-Дарью.

Массы обломковъ кирпича и камня не въ далекомъ разстояніи отъ береговъ Кафернигана покрываютъ окрестности, служа подтвержденіемъ, что при впаденіи этой рѣки по обѣимъ ея берегамъ находились когда то многочисленныя поселенія, занимавшіяся земледѣліемъ, но обработанныя поля давно уже затянуло иломъ и лишь кое-гдѣ виднѣющіеся остатки оросительныхъ каналовъ напоминаютъ о прежней жизни, которая еще въ началѣ XVII вѣка была здѣсь ключемъ.

Въ настоящее же время весь лѣвый берегъ Кафернигана до самыхъ горъ пустыней и лишь съ началомъ весны появляется нѣсколько кочевковъ со своими стадами барановъ, а затѣмъ, когда солнце сожжетъ степь, вновь вездѣ совершенно безлюдно.

Въ камышахъ, протянувшихся по обѣимъ сторонамъ рѣки, привольно живутъ камышевые олени, цѣлыми стайками появляющіеся днемъ на полянѣ. Ночью же среди тишины пустыни слышится ревъ тигра, выходящаго за своею добычею. Вой шакаловъ и лай гіенъ раздаются во всѣхъ направленіяхъ, образуя дикій концертъ, въ который порою врывается пронзительное мяуканье барсовъ и визгливый крикъ каракулака.

Озаренная лучами луннаго свѣта, поразительно красива пустыня, надъ которой темнѣютъ горы, служащія какъ бы рамкою необъятной по простору пустынѣ. Воды озеръ и рѣки Кафернигана отсвѣчиваютъ стальнымъ блескомъ, придавая особую красоту всему виду.

Въ сторонѣ на правомъ берегу вырисовываются бѣлыя стѣны пограничнаго поста Айваджа съ высокою башнею, виднѣющеюся далеко со всѣхъ сторонъ, а около самой воды выступаетъ изъ густыхъ зарослей камышей небольшой домикъ русской постройки, служащій мѣстомъ жительства нѣсколькимъ пограничнымъ солдатамъ, служащимъ на переправѣ черезъ Каферниганъ, на которой поставленъ огромный желѣзный паромъ.

Нѣсколько лодокъ на берегу придаютъ этому уголку особую прелесть.

Яркій огонь костра, отсвѣчивая въ водахъ рѣки, разрѣзаетъ окружающую темноту, освѣщая часть берега съ цѣлымъ рядомъ

темныхъ пятенъ на желтоватомъ пескѣ. Это караванъ, ставшій на ночлегъ и ожидающій нашего прибытія, чтобы двинуться рано утромъ дальше.

Вѣхавъ въ полосу свѣта, я начинаю различать группу сидящихъ около камышей людей, одѣтыхъ въ туземные костюмы.

Высокій представительный узбекъ, замѣтивъ меня, быстро поднимается со своего мѣста и, подойдя ко мнѣ, отвѣшиваетъ поклонъ, прижимая правую руку къ сердцу, а затѣмъ складывая обѣ руки на животѣ.

— Кабадіанскій бекъ Сеидъ-Гани-Токсаба прислалъ встрѣтить полковника, узнавъ о его пріѣздѣ; я Абду-Кадиръ-мирахуръ, степенно обращается ко мнѣ посланецъ, сообщая свое имя и цѣль прибытія.

Слѣзши съ лошади послѣ ста слишкомъ верстнаго перехода, я занимаю мѣсто около костра на кошмѣ и съ удовольствіемъ беру поданную чашку съ зеленымъ чаемъ. Раньше, чѣмъ умыться и освободиться отъ толстыхъ слоевъ пыли, необходимо хоть полчаса вздохнуть.

— Бекъ спрашиваетъ, какъ здоровье полковника, и очень проситъ заѣхать въ Кабадіанъ, продолжаетъ мирахуръ, усаживаясь по моему приглашенію противъ меня. Давно не видалъ бекъ полковника и хотѣлъ бы поговорить со своимъ другомъ. Бекъ вѣдь такъ любитъ русскихъ!!...

— И я также его радъ повидать... Старый знакомый, еще лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ былъ амлекларомъ въ Кулябѣ, его знавалъ. Веселый онъ и добрый человекъ.

Передо мною въ памяти сразу выросъ во весь ростъ этотъ симпатичный бухарецъ, такъ мало похожій на своихъ сослуживцевъ администраторовъ.

Происходя изъ торговцевъ, а не изъ родовой аристократіи, Сеидъ-Гани-бекъ и старшій его братъ случаемъ попали на службу эмира и быстро изъ незначительныхъ людей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выдвинулись, занявъ должности бековъ въ Кулябѣ и Кабадіанѣ. Лишь одинъ средній братъ, любитель спиртныхъ напитковъ, говорунъ и весельчакъ, остался въ чинѣ мирахура, состоя при старшемъ братѣ.

Я вспомнилъ, какъ родовые беки, ведущіе свое происхожденіе отъ знаменитыхъ военачальниковъ и эмировъ, съ сарказмомъ подтверждали: «морковью на базарѣ торговаль, а теперъ сталъ бе-

комъ... Эмира обошелъ и слово такое знаетъ». Съ сердечнымъ сокрушеніемъ вздыхали они о тепломъ мѣстѣ бека, дающемъ огромные доходы.

— Ну, а какъ бекъ здоровъ, хорошо живетъ въ Кабадіанѣ? задалъ я вопросъ.

— Ты самъ знаешь, тюра, Сеидъ-Гани всегда весель. На душѣ у него нѣтъ темныхъ дѣлъ, оттого онъ и спокоенъ, а жить ему трудно: людей мало—доходовъ мало. Безпокойся, очень скоро подать надо везти въ Бухару—боится не соберетъ сколько нужно.

Раздѣвшись и смывъ съ себя всю дорожную пыль, я чувствовалъ желаніе основательно закусить.

Блюдо дымящагося, аппетитно пахнущаго, плова появилось сейчасъ же, принесенное изъ камышей, гдѣ разложено было другой костеръ.

Мой джигитъ, быстро возобновивъ знакомство съ солдатами досталъ каравай свѣже испеченнаго хлѣба. Ужинъ оказался прекраснымъ.

На огонекъ костра подѣхалъ, живущій въ Айваджѣ, ротмистръ З., узнавшій о моемъ пріѣздѣ.

Старожилъ Аму-Дарьи, отлично знающій мѣстную жизнь, З. собициль мнѣ рядъ интересныхъ наблюденій надъ рѣкою Каферниганомъ.

— Помилуйте, жаловался опъ, вѣдь съ этой рѣкой ничего не подѣлаешь. Мы два уже раза строили домъ для помѣщенія людей на переправѣ. Кажется ставили достаточно далеко отъ берега и каждый разъ рѣка выходила изъ береговъ и исключительнымъ по размѣрамъ разливомъ смывала нашу постройку. Теперь построили еще дальше, но всетаки нѣтъ никакой увѣренности за ея цѣлость.

Сумасшедшая рѣка и постоянно доставляетъ намъ много хлопотъ съ паромомъ. Неожиданно иногда прибудетъ разомъ вода и сорветъ паромъ съ каната и понесетъ его въ Аму-Дарью. Весною были въ этомъ году морозы. Вынесло паромъ на отмель, а тамъ хватилъ морозъ, и онъ примерзъ такъ, что пришлось сотни двѣ рабочихъ нанимать, чтобъ его стащить и водворить на мѣсто. Наша переправа вѣдь служить только для своихъ; туземцы или переправляются вплавь или же на лодкахъ. Выше у Кабадіана поставленъ бекскій каюкъ.

Почти до самаго разсвѣта мы проболтали. Спать не хотѣлось и поэтому я съ большимъ интересомъ наблюдалъ за пробужденіемъ

природы. Блѣдная полоска свѣта на востокѣ быстро стала увеличиваться, расширяясь и захватывая весь горизонтъ; темнота, испугавшись, стала отступать, уступая свое мѣсто. Какъ будто струясь, задвигались слои воздуха, а туманы, поднимавшіеся надъ болотами, заколебались и побѣжали въ сторону, открывая постепенно рѣку.

Розовый оттѣнокъ появился на горизонтѣ, окрасивъ вершины горъ. Еще мгновеніе и край солнечнаго диска выдвинулся изъ-за вершины, и яркіе лучи побѣжали по небу, освѣщая всѣ окрестности ослѣпительнымъ блескомъ.

Напоивъ лошадей, мы двинулись по лѣвой сторонѣ рѣки, вытянувшись вереницею.

Вдали передъ нами виднѣлась темная горная вершина, а далѣе на краю горизонта вырисовывались снѣжныя вершины Гиссарскаго хребта, среди которыхъ особенно рельефно выступали горы Ходжа-Ипакъ-тау и Хозретъ-Султанъ.

Невысокая холмистая гряда поднималась параллельно берегу, а за нею, закрывая къ востоку горизонтъ, стояли горы Койчи-тау.

Обломки кирпича и глиняной посуды покрывали всѣ окрестности, служа остатками когда-то бывшей въ этой долинѣ человѣческой жизни.

Поднимаясь отвѣсною стѣною, невдалекѣ отъ берега стояла одинокая вершина, состоящая изъ известняковаго бѣлаго камня, сильно вывѣтрившагося и покрытаго темными впадинами, на которыхъ устроили свои гнѣзда орлы. Кружась вокругъ, они покрывали собою окрестные холмы, то неподвижно сидя нахохлившись, то поднимаясь и кружась въ воздухѣ.

Огромные грифы съ голыми шеями и широкимъ воротникомъ изъ перьевъ зорко посматривали на насъ своими злыми глазами. Желтоватые, бѣлые, сѣрые, черные орлы сидѣли группами, въ своей неподвижности дѣлаясь издали похожими на стада барановъ.

— Ну и орловъ здѣсь, просто на удивленіе откуда ихъ только такъ много собралось? изумлялся армянинъ-скупщикъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами.

— Да это вѣрно, подтвердилъ Карауль-Беги. Во всемъ здѣшнемъ краѣ ихъ всегда достаточно—и зимою и лѣтомъ. Любятъ они наши Гиссарскія горы и выводятъ въ нихъ своихъ птенцовъ, а потомъ, когда стада выходятъ на пастбища, они все время ихъ сопровождаютъ. Среди барановъ всегда много болѣзней. Каждый день ихъ, можетъ быть, не одна сотня дохнетъ въ стадахъ и тогда слета-

ются орлы со всѣхъ сторонъ на пиршество, оспаривая другъ у друга кусокъ добычи. Мгновенно разрываютъ они трупъ павшаго животнаго и, обмотавшись внутренностями, выпачканные кровью, несутъ въ когтяхъ куски мяса своимъ птенцамъ. У насъ говорятъ, что раньше въ Гиссарскихъ горахъ жилъ ихъ орлиный падишахъ.

— Развѣ у птицъ можетъ быть падишахъ? удивился скупщикъ.

— Отчего же нѣтъ? Аллахъ далъ всему живущему разумъ и поэтому въ томъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

Если тюра желаетъ, я расскажу одну исторію, которую давно слышалъ, когда пришлось быть у подножья Хозреть-Султана, куда въ лѣтнія жары сгоняются стада барановъ изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ Кабадіанскаго, Динаускаго и Гиссарскаго бекствъ.

Высоки горы Гиссарскія, но среди нихъ еще выше поднимается Хозреть-Султанъ, выступая своими снѣговыми вершинами, какъ будто взрослый человѣкъ между дѣтей. Среди дикихъ мрачныхъ ущелій, покрытыхъ зеленою мховъ, стоитъ онъ гораздо выше тѣхъ мѣстъ куда поднимаются наши узбеки и киргизы со своими стадами, даже выше тумановъ, носящихся надъ ущельями и облаковъ, окутывающихъ густымъ покровомъ начало вѣчныхъ снѣговъ. Тамъ высоко въ воздухѣ, смотря на вѣчное солнце, носятся одинокіе орлы, улетаая далеко отъ грѣшной земли и славя Аллаха, все создавшаго.

Борясь съ вихрями, поднимаются орлы въ недосыгаемая высоты, гдѣ царитъ вѣчное безмолвіе и парятъ надъ всѣмъ горные духи.

Со всѣхъ сторонъ: съ нашихъ мѣстъ, съ равнинъ прекраснаго Шаршауза, изъ ущелій Дербента, съ низкихъ полей Куляба и даже съ береговъ далекаго Зарявшана можно видѣть вершину Хозреть-Султана, который стоитъ всегда окруженный облаками, за которыми ярко блестятъ и переливаются на солнцѣ ослѣпительно бѣлые снѣга, покрывающіе его голову.

Но въ давнія времена не всегда онъ былъ пустыненъ и одинъ разъ въ сто лѣтъ на его высотахъ начиналась жизнь и слышался страшный шумъ крыльевъ и громкіе крики. И всѣ люди знали, что наступаетъ великій день начала новаго столѣтія, а вмѣстѣ съ этимъ на вершинахъ Хозреть-Султана происходятъ выборы орлинаго царя.

Смѣлы и сильны орлы—нѣтъ птицы могучѣе ихъ. Нѣтъ храбрѣе никого изъ птицъ и даже человѣка не боятся они. Но и среди нихъ, какъ среди людей, есть болѣе сильные, въ тѣло которыхъ

Аллахъ вложилъ частицу чего-то, что отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ. Какъ и вездѣ, и у нихъ кто сильнѣе, тотъ славнѣе считается и первенствуетъ среди остальныхъ.

Слетались на выборы орлинаго падишаха всѣ орлы со всѣхъ мѣстъ прекрасной земли, созданной Аллахомъ. Ихъ всегда было такъ много, что горы, ими покрытыя, казались живыми, такъ какъ на ихъ склонахъ вездѣ сидѣли орлы.

Какъ и раньше, съ тѣхъ норъ, какъ стоитъ свѣтъ, слетѣлись и на этотъ разъ орлы и каждый изъ нихъ, несясь по воздуху, несъ въ своихъ крѣпкихъ когтяхъ ту добычу, которая ему была подъ силу. И все принесенное складывали они у подножья орлиной скалы въ горахъ Хозреть-Султана, на которой сидѣлъ старый орлиный падишахъ, ироцарствовавшій столѣтíе и ожидавшій выбора себѣ преемника.

Сидя на тронѣ съ золотою царскою короною на головѣ, сотканною изъ золота, связанною солнечными лучами, старый орлиный падишахъ пытливымъ взоромъ осматривалъ каждую принесенную добычу. Хотя уже всѣ перья у него были сѣдые отъ долгой жизни, но крѣпко было его тѣло, остры огромные когти и сильны широкія крылья. Смѣлъ и строгъ былъ его взглядъ и бодро билось крѣпкое юношеское сердце въ высокой груди.

Со страхомъ смотрѣли на своего владыку всѣ орлы, безпрекословно подчиняясь его волѣ. Но въ этотъ часъ тяжело было на душѣ у стараго орлинаго падишаха—власть привлекательна и жаль ему было разстаться съ величíемъ и почетомъ. Трудно казалось, бесконечно трудно, снять съ посѣдѣвшей головы золотую корону и, передавъ ее новому избраннику, самому удалиться на покой, гдѣ смиренно ожидать конца своей долгой и славной жизни, ибо по обычаю не могъ оставаться старый падишахъ въ горахъ Хозреть-Султана.

Онъ любовался послѣднíе часы, какъ прекрасное солнце освѣщало всѣ вершины, искрясь въ ледникахъ и снѣгахъ, переливаясь какъ радуга. Болѣло его сердце, что не увидитъ онъ больше родныхъ горъ съ ихъ мрачными ущельями, съ веселящими взоръ прекрасными долинами; не увидитъ больше водопадовъ, рѣкъ, ручьевъ и озеръ, въ водяную поверхность которыхъ любилъ онъ смотрѣть въ часы отдыха, видя свое отраженíе и любясь яркими лучами золотой короны, сiявшей на его головѣ. И все это останется въ прошломъ лишь, какъ тяжелое воспоминанíе для него, всѣми забы-

таго и-покинутаго, но надо было покориться. Онъ также все время помнилъ, что шаріать ¹⁾ сильнѣе всего на свѣтѣ и ему надо покориться. Онъ помнилъ не только свою власть, онъ также зналъ и обязанности, лежавшія цѣлое столѣтіе на его плечахъ.

Тяжело вздохнувъ, онъ далеко отогналъ отъ себя печальныя мысли и, встряхнувшись, сталъ осматривать всю добычу, сложенную у подножья престола, принесенную орлами. Онъ долженъ былъ самъ выбрать по ней того, кто окажется самымъ сильнымъ, могучимъ и смѣлымъ изъ всѣхъ орловъ.

Всѣ склоны горы были покрыты трупами круторогихъ сернь, сильныхъ архаровъ, огромныхъ кіиковъ, простыхъ барановъ, лебедей; тутъ лежало все, что только могли принести орлы со своей охоты.

Все это видѣлъ орлиный падишахъ, сравнивая одно съ другимъ и не поражаясь совершенно необычайными размѣрами и вѣсомъ принесенной добычи.

Но неожиданно и онъ остановился въ удивленіи, увидѣвъ, какъ позднѣе всѣхъ прилетѣвшій молодой орелъ, медленно и осторожно спускаясь съ вышины, положилъ къ ²⁾его ногамъ чудной красоты юную дѣвушку, принесенную имъ изъ далекихъ Загроскихъ горъ, лежащихъ на краю Иранской страны.

Видъ дѣвушки, смотрѣвшей на него испуганными глазами, на минуту смутилъ стараго орлинаго падишаха, но онъ сейчасъ вспомнилъ свои обязанности и прерывающимся отъ волненія голосомъ во всеуслышаніе объявилъ имя своего преемника—могучаго орла, принесшаго такую, невиданную ³⁾никогда и никѣмъ изъ орловъ, добычу.

И новый орлиный падишахъ разомъ, величественно взмахнувъ крыльями, приблизился къ подножью престола, чтобы принять корону и, украсивъ ею свою голову, занять на немъ мѣсто, отпраздновавъ вступленіе свое на престолъ пиршествомъ изъ принесенной всѣми орлами добычи. Но живые человѣческіе глаза, смотрѣвшіе на орловъ, мѣшали и тревожили ихъ душевное спокойствіе.

Растерзать живую дѣвушку или столкнуть ее въ пропасть не могли орлы, ибо Аллахъ вложилъ величіе и благородство въ ихъ сознаніе... Не хотѣли они также омрачать веселый день избранія дурнымъ дѣломъ, пролитіемъ крови любимѣйшаго изъ созданий Аллаха—человѣка.

1) Шаріать—законъ.

Долго сидѣли орлы въ молчаніи, пока не приняли рѣшенія—отнести молодую красавицу обратно на то мѣсто, откуда ее похитилъ могучій новый орлиный падишахъ. Но никто не смогъ бы кромѣ него самого выполнить такой подвигъ, а поэтому онъ же долженъ былъ отнести ее въ далекую Иранскую страну.

Собралъ снова всю свою силу молодой орлиный падишахъ и, схвативъ своими желѣзными когтями за поясъ прекрасную дѣвушку, понесся съ нею къ вершинамъ Загроскихъ горъ въ Иранскую страну, а старый падишахъ остался на высотѣ своего престола, ожидая его возвращенія вмѣстѣ со всѣмъ орлинымъ народомъ. Закружились орлы въ воздухѣ, видя силу и могущество избраннаго ими новаго падишаха, и понеслись за нимъ слѣдомъ, сопровождая своего избранника торжествующими криками.

И остался старый орелъ на зысокой скалѣ одинъ всѣми покинутый, размышляя о своемъ прошломъ величїи, съ которымъ придется ему черезъ самое короткое время разстаться навсегда. Угрюмый съ камнемъ на дунѣ остался онъ со своими черными мыслями, готовясь снять золотую корону, сотканную изъ лучей солнца, и отдать ее другому.

Горько ему было сознавать, что онъ, который столѣтіе занималъ первое мѣсто и стоялъ выше всѣхъ, долженъ уступить его никому неизвѣстному иранскому орлу.

Не могла смириться съ этимъ его гордая душа: «лучше умереть въ блескѣ славы, чѣмъ жить въ забвенїи», рѣшилъ онъ и, взмахнувъ своими широкими крыльями, плавно понесся надъ горами, поднимаясь все выше и выше въ то царство безмолвія, окружавшее вершины Хозретъ-Султана, куда никогда не поднимались орлы.

Уже орлиная скала едва чернѣла, гдѣ то страшно далеко, внизу подъ нимъ.

Сложивъ разомъ свои могучія крылья, старый орлиный падишахъ, какъ камень, быстро кинулся внизъ, разсѣкая воздухъ, и черезъ минуту его тѣло съ глухимъ стукомъ ударилось о вершину скалы, обагривъ все вокругъ теплою кровью и усыпавъ разлетѣвшимися перьями, далеко вокругъ, всю подошву горы.

Описывая широкую дугу въ воздухѣ, упала золотая корона падишаха и разлетѣлась на тысячи кусковъ, ввидѣ сіяющихъ брызгъ, осыпавшихъ ущелья Хозретъ-Султана.

Всѣ животныя, горные козы и бараны, пасшіеся на склонахъ горъ, въ смертельномъ ужасѣ, ослѣпленные этими искрами, разбѣ-

жались по долинамъ, ища спасенія, и даже легкія облака, окружавшія орлиную скалу, быстро унесли прочь и спрятались въ ущельяхъ.

А великій Хозретъ-Султанъ, тысячелѣтія привыкшій видѣть славу орлинаго падишаха, тяжело вздохнувъ, весь содрогнулся и затряслась земля вокругъ по всѣмъ равнинамъ и попадали строенія, воздвигнутыя людьми въ ближайшихъ и дальнѣйшихъ отъ него мѣстахъ.

Черныя тучи, быстро несясь по небу, заколебались, загремѣлъ громъ, засверкали молніи и весь Хозретъ Султанъ окутался темными тучами въ знакъ своей печали.

Жалобно завылъ вѣтеръ въ ущельяхъ, оплакивая смерть орлинаго падишаха, а изъ тучъ, какъ капли слезъ, полился дождь. Въ долинахъ же несмолкаемымъ плачемъ заплакали стайки шакаловъ.

Долго потомъ вернувшіеся орлы отыскивали орлинаго падишаха и золотую, сотканную изъ лучей солнца, корону. Но нигдѣ ея не было.

Съ тоскливыми криками звали они стараго падишаха, носясь около орлиной скалы, но затѣмъ, понявъ, что случилось что-то необыкновенное, разлетѣлись снова во всѣ стороны и каждый, захвативъ себѣ отдѣльную гору, сталъ надъ нею царствовать и съ тѣхъ поръ орлы перестали выбирать себѣ падишаха, считаясь такими же свободными, какъ вѣтеръ, гуляющій на вершинахъ Хозретъ Султана, куда уже не слетаются, какъ раньше, орлы со всего свѣта. Оттого теперь каждый орелъ самъ себѣ падишахъ.

Глава II.

Овцеводство.—Змѣи.—Пророкъ Магометъ и змѣя.

Съ интересомъ прослушавъ это преданіе, отзывавшееся глубоко стариною, я занялся осмотромъ окрестностей.

Все время съ лѣвой стороны тянулись заросли камышей, а съ правой разстилалась широкая равнина, ограниченная темными горами Койчи-тау, составлявшими водораздѣлъ между рѣками Каферниганомъ и Вахшемъ.

Издали горы казались мрачными и совершенно пустынными безъ всякихъ признаковъ растительности.

Желая провѣрить свое впечатлѣніе, я обратился къ Карауль Беги.

— Есть ли растительность въ тѣхъ горахъ, навѣрное знаетъ Абдукадиръ-бекъ?

— Да, тюра. Горы носятъ свое названіе, получивъ его отъ огромнаго числа барановъ, пасущихся на ихъ высотахъ. Кой — овца. Сюда сгоняютъ большое число стадъ со всѣхъ мѣстъ, такъ какъ весною много хорошихъ травъ растетъ по горнымъ склонамъ, но въ горахъ также есть небольшія долинки съ родниковою водою, а въ ущельяхъ встрѣчаются кустарники и деревья, хотя ихъ немного.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ выше эти горы, но зато склоны ихъ болѣе отлоги, а такія каменистыя вершины, какъ здѣсь, чередуются съ мягкими горами. Въ этихъ мѣстахъ больше всего живутъ киргизы рода Локай, разводящіе табуны лошадей, а кромѣ того многіе изъ нихъ владѣютъ многочисленными стадами барановъ.

Испуганныя стукомъ конятъ, изъ подъ ногъ лошадей все время выскакивали красивыя разноцвѣтныя ящерицы и, остановившись невдалекѣ, провожали насъ любопытными глазами.

Порою, извиваясь своимъ блестящимъ тѣломъ, дорогу переползали небольшія змѣи, оставляя на пескѣ слѣдъ своего движенія. Свернувшись въ кольцо и сердито шипя, эти гады производили отталкивающее впечатлѣніе.

— Однако, какъ ихъ здѣсь много! Навѣрное часто кусаютъ людей?

— Да, тюра, въ рѣчной долинкѣ сыро и змѣи любятъ эту сырость; оттого ихъ и много, но только опаснѣе тѣ, которыя живутъ въ пескахъ. Аллахъ сотворилъ ихъ въ наказаніе и на страхъ людямъ. И даже однажды пророкъ Магометъ Печать-пророковъ едва не былъ укушенъ такою же ядовитою гадиною, которая страшно зла и неблагодарна, такъ какъ ея дѣйствіями управляетъ всегда самъ иблисъ²⁾).

Однажды, совершивъ ранній намазъ, пророкъ вышелъ полюбоваться восходомъ солнца и посмотрѣть на пробужденіе всего живущаго послѣ ночного отдыха.

Уже всѣ животныя, воздавъ славу ихъ Сотворившему, спѣшили найти себѣ пищу. Стаи птицъ кружились въ воздухѣ, высматривая

²⁾ Иблисъ — нечистый.

себѣ добычу. Жуки и насѣкомыя ползали по землѣ и все радовало взоръ пророка, спокойно шествовавшего среди прекрасной долины и размышлявшего о величїи Творца всего міра.

Но неожиданно пророкъ вынужденъ былъ остановиться, такъ какъ услышалъ жалобное шипѣніе и, взглянувъ на землю, увидѣлъ, что маленькая красивая змѣйка, извиваясь кольцами, быстро ползла къ нему навстрѣчу.

«Посланникъ Божій, жалобно заговорила она, свернувшись и поднимая свою голову. Спаси твореніе Всемогущаго, не дай ему погибнуть. Мой врагъ близко и сейчасъ меня уничтожить».

Темная тѣнь въ это время закрыла лучи солнца и, посмотрѣвъ вверхъ, увидѣлъ пророкъ большого аиста, несшагося по воздуху, широко раскинувъ свои крылья, и преслѣдовавшего змѣю.

Стало жаль пророку живой твари. Недолго думая, протянулъ онъ надъ змѣею свою руку, вытянувъ мизинецъ. Поняла змѣя и, сверкнувъ на солнцѣ своей блестящей чешуей, прыгнула вверхъ и, какъ драгоценное кольцо, обвилась вокругъ пальца. Не посмѣлъ аистъ тревожить пророка, взмахнулъ крыльями и понесся дальше, отыскивая себѣ другую добычу.

Видя, что опасность для змѣи миновала, захотѣлъ пророкъ пустить ее на землю, но сердито зашипѣла змѣя:

«Ошибаешься, пророкъ, ты забылъ, что моею волею управляетъ самъ иблисъ и за всякое добро я всегда плачу зломъ, а потому я должна укусить тотъ палецъ, который служилъ мнѣ убѣжищемъ во время опасности».

Вытянула змѣя свою шею, открыла ротъ и только что хотѣла вонзить свои ядовитые зубы въ палецъ пророка, какъ въ это время быстрымъ прыжкомъ прыгнула вверхъ кошка, сопровождавшая посланника Бога въ его прогулкѣ, и, схвативъ змѣю за шею, откусила ей голову. И тѣмъ спасла по волѣ Аллаха его пророка—Печать всѣхъ пророковъ.

Посмотрѣлъ пророкъ на свой палецъ, который съ укоромъ обратился къ нему:

«Я самый маленькій изъ пальцевъ, служащихъ тебѣ, хозретъ³⁾, какъ же могъ ты подвергнуть меня такой большой опасности?»

Задумался пророкъ, признавъ справедливость его жалобы, и, чтобы вознаградить его, обратившись къ собравшимся около него правовѣрнымъ, сказалъ:

³⁾ Хозретъ—святой.

«Украшайте всегда мизинецъ на лѣвой рукѣ украшеніемъ пре-
краснымъ».

И стали съ тѣхъ поръ всё мусульмане носить на этомъ пальцѣ
кольца съ драгоценными камнями, смотря на нихъ и вспоминая
при этомъ доброту пророка и его милосердіе къ каждой твари.

Небольшой кишлакъ Шахъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ ки-
битокъ съ камышевыми загонами для скота, являлся единствен-
нымъ населеннымъ пунктомъ на лѣвой сторонѣ недалеко отъ впа-
денія Кафернигана въ Аму-Дарью, находясь въ верстахъ десяти
отъ его устья.

Пользуясь влагою отъ разливовъ рѣки, арабы, составляющіе
населеніе кишлака, воздѣлываютъ небольшіе участки для посѣва
джунгары и ячменя; тутъ же виднѣются довольно значительные
баштаны съ зрѣющими ароматными дынями.

Нѣсколько куртинъ деревьевъ, растущихъ около арыка, явля-
ются остатками когда-то многолюднаго кишлака. Старая иррига-
ціонная система, орошавшая поля, давно пришла въ упадокъ и
лишь кое-гдѣ на мѣстахъ прежнихъ садовъ виднѣются кусты им-
биря, мощно поднимающагося своими прямыми стеблями надъ по-
верхностью земли и глубоко проникающаго въ ея толщу своими
корнями, ища влагу.

Почти вся равнина въ давнее время была заселена арабами,
завоевавшими страну въ V и VI вѣкѣ и выбравшими для своихъ
поселеній самыя богатыя и плодородныя земли.

Живя отдѣльно отъ узбековъ и киргизовъ, несмотря на истекшій
огромный періодъ свыше тысячелѣтняго существованія, арабы со-
хранили почти въ чистотѣ свой типъ и лишь въ языкѣ и обычаяхъ
появилось у нихъ много заимствованій отъ ближайшихъ сосѣдей.

Представляя собою вначалѣ господствующій классъ, арабы
долго время держались совершенно отдѣльно отъ мѣстнаго насе-
ленія, не смѣшиваясь съ нимъ, и лишь въ послѣдствіи они стали
брать себѣ женъ изъ ближайшихъ сосѣднихъ племенъ, хотя въ то
же время до сихъ поръ случаи выдачи ихъ дочерей въ замуже-
ство за узбековъ и киргизовъ крайне рѣдки, а за таджиковъ ни-
когда не встрѣчаются.

Привлеченные богатствами Бухарскаго государства, первые
арабскіе завоеватели произвели рядъ набѣговъ на страну исклю-
чительно съ цѣлью захватить возможно больше добычи, причемъ,
не вмѣшиваясь совершенно въ дѣла внутренняго управленія, они

за собою оставляли лишь сборъ податей, сохранивъ всѣ мѣстныя власти на своихъ мѣстахъ и въ то же время совершенно не интересуясь дѣлами религиозными, къ которымъ они относились съ полнымъ безразличіемъ въ теченіе едва ли не двухъ столѣтій. Позднѣе, подъ вліяніемъ развитія фанатизма, появилось стремленіе къ прозелитизму, вызванному отчасти и государственными соображеніями.

Начавъ укрѣплять свое владычество въ странѣ и встрѣтивъ глухое недовольство къ себѣ со стороны мѣстныхъ жителей, исповѣдывавшихъ буддизмъ и христіанство, со значительной примѣсью стороннихъ вѣрованій, арабы вынуждены были начать борьбу съ этимъ упорствомъ, воспитаннымъ на націоналистическихъ воззрѣніяхъ.

Поддерживая своихъ князей и ихъ династіи, свергнутыя съ престоловъ арабами, туземныя племена неохотно принимали мусульманство, въ силу чего таковое вводилось не убѣжденіемъ, а лишь силою.

Постоянно опасаясь за прочность своего положенія во враждебной странѣ, арабы выработали особую систему наблюденія за жителями, поселивъ въ каждомъ домѣ туземца араба, которому поручалось не только принимать мѣры къ присоединенію его къ мусульманству, но наблюдать за каждымъ его шагомъ.

Это тяжелое время, пережитое народомъ, отразилось на взглядахъ и его отношеніяхъ къ арабамъ, которые даже тысячелѣтіе позднѣе все еще оставались недоброжелательными. Но постепенно время сгладило внѣшнюю рознь, хотя и не ассимилировало эти племена между собою.

Какъ потомки племени, изъ котораго происходилъ пророкъ, а затѣмъ, какъ завоеватели страны, арабы до сихъ поръ смотрятъ съ нѣкоторой снисходительностью и превосходствомъ на узбековъ и киргизъ.

— Много ли арабовъ въ ханствѣ, не знаетъ ли Караулъ-Беги? задалъ я вопросъ своему спутнику.

— Да, тюра, достаточно; ихъ кишлаки есть вездѣ, но больше всего около Каршей, Шахризбса и Бухары. Вездѣ, гдѣ только есть старинныя мазары на могилахъ святыхъ людей, около нихъ живутъ ихъ потомки, носящіе званіе шейховъ и наблюдающіе за ихъ могилами. Много также среди нихъ и ишановъ, Сеидовъ, которые выдають себя за потомковъ пророка, есть также и Алиды, потомки Ширъ-Али-Льва Божьяго, но только кто знаетъ, одинъ

Аллахъ знаетъ, кто изъ нихъ настоящій, а кто обманщикъ. Люди имъ вѣрятъ, а они живутъ поэтому хорошо! Вѣдь узнать, тюра, обманщика трудно; онъ самъ всегда себя хорошимъ человѣкомъ показываетъ, надо быть мудрымъ какъ имамъ Маликъ, чтобы разгадать человѣка.

— А кто это имамъ Маликъ? спросилъ я разговорчиваго Карауль-Беги.

— Имамъ Маликъ былъ великій хозретъ, котораго любилъ самъ халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ за его мудрость, а въ его дѣлахъ всегда видно было произволеніе Севышняго. Звали его Абу-Абдалла-Маликъ-Бекъ-Аннасъ и родился онъ въ великомъ святомъ городѣ Мединѣ въ 94 г. Ходжры (716 по Р. Х.) при халифѣ Сулейманѣ, а училъ его Сахинъ-ибнъ-Саидъ, послѣдній изъ жившихъ въ то время людей, видѣвшихъ своими глазами самого пророка Магомета—Печать всѣхъ пророковъ.

И передалъ ему учитель все, что зналъ о жизни пророка, а имамъ Маликъ записывалъ каждое его слово, все время ведя строгую жизнь и постясь четыре дня въ недѣлю. Даже самъ имамъ Абду-Ханифа любилъ съ нимъ бесѣдовать, а когда Медину посѣтилъ великій халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, чтобы поклониться могилѣ пророка, имамъ Маликъ его встрѣтилъ. Много слышалъ о немъ калифъ и, желая послушать самъ поученія имама, сказалъ ему:

— О, Маликъ, окажи милость, приходи ко мнѣ каждый день и поучи моихъ сыновей преданіямъ о жизни пророка.

Но не согласился на это имамъ Маликъ и отвѣтилъ:

— О, халифъ, наука такъ возвышенна, что вмѣсто того, чтобы идти къ кому-нибудь, сама она требуетъ, чтобы шли всѣ къ ней.

Увидѣлъ халифъ, что правъ былъ имамъ, и послалъ къ нему своихъ двухъ сыновей, которые сдѣлались учениками имама Малика, сѣвъ среди другихъ, учившихся у него.

Много книгъ написалъ имамъ Маликъ, пока не умеръ въ глубокой старости, еще при жизни сдѣлавшись хозретомъ, т.е. святымъ.

Глава III.

Шааръ-Тузь.—Чаршамбе.—Каракулевое овцеводство и торговля каракулемъ.

Ширина долины скрадывалась въ значительной степени горными хребтами, видѣвшимися съ обѣихъ сторонъ, между кото-

рыми разстояніе повидимому было не менѣе пятидесяти слишкомъ версть.

На правомъ берегу рѣки вырисовывались группы растительности, обозначавшія кишлаки, среди которыхъ виднѣлись войлочные кибитки, указывавшія, что населеніе этого района не отвыкло отъ кочевой жизни, любя проводить большую часть года въ перепосныхъ, а не въ постоянныхъ жилищахъ, которыя главнымъ образомъ служатъ для зимняго времени.

— Давно здѣсь люди живутъ? указаль я на кишлакъ Хошади, лежащій прямо противъ насъ по другую сторону рѣки.

— Нѣтъ, тюра, не больше лѣтъ жизни взрослога человѣка. Въ книгахъ написано, что здѣсь прежде много городовъ было, но потомъ люди ушли и долгое время лишь звѣри бродили по этимъ мѣстамъ. Затѣмъ, когда эмиръ ходилъ войной на Гиссаръ, и наказываль не слѣдующихъ его воли, много народа оттуда ушло и поселилось здѣсь на берегахъ Кафернигана, вдали отъ грознаго Астанокула-Кушъ-Беги намѣстника эмира въ Гиссарѣ.

Среди камышей и тугаевъ людямъ было хорошо жить. Сюда ушли тѣ, кто боялся веревки и ножа, но за то здѣсь Афганистанъ недалеко и можно было, перебравшись на гунсарахъ черезъ Аму, кое-что захватить у афганцевъ, плохо оберегающихъ свои стада.

Соберется нѣсколько лихихъ батырей и ночью отобьютъ лошадей, быковъ и барановъ и перегонятъ ихъ на Бухарскую сторону, а иногда, если посчастливится, и товаръ у проѣзжихъ купцовъ отнимутъ. Въ Кабадіанѣ или Гиссарѣ продадутъ и долго послѣ этого живутъ хорошо богатыми баями.

— А Кабадіанскій бекъ развѣ не мѣшалъ имъ? спросилъ я, съ любопытствомъ смотря на Карауль-Беги, видимо съ удовольствіемъ вспоминавшаго жизнь прирѣчнаго населенія, къ которому онъ самъ принадлежалъ.

— Тюра, ты самъ знаешь, кто же не любитъ деньги, отвѣтилъ Карауль-Беги. Кому доставалась большая добыча, тотъ самъ бека не забываль, зная что у него большой расходъ. И бекъ этихъ людей не трогаль... Да и для чего? Каждый изъ нихъ самъ по себѣ. Бекъ за порядкомъ смотреть, а они въ Бухарѣ непорядка не дѣлали.

— Развѣ никогда не бывало? А какъ же я слышалъ въ Курганъ-тюбе, что по здѣшнимъ дорогамъ и до сихъ поръ ѣздить для купцовъ съ товарами не безопасно?

— Это такъ, тюра. Иногда бываетъ, что обидятъ купца. Но только дѣлаютъ такое дѣло большіе люди Кургантюбинскаго бека.

Но только теперь плохо стало, вздохнулъ онъ съ большимъ сожалѣнiемъ, съ тѣхъ поръ, какъ поставили солдатъ уруссовъ на границѣ, переправляться въ Афганистанъ стало труднѣе.

Кишлаки Чуянцы и Саятъ были почти закрыты отъ насъ огромными зарослями камышей, среди которыхъ все время встрѣчались небольшія озера и болота съ массою мелкой рыбы, сновавшей въ прозрачной отстоявшейся водѣ. Водяные пауки торопливо скользили по поверхности, а огромныя стрекозы и цикады носились въ воздухѣ, наполняя окрестности своимъ стрекотанiемъ. Огромныя зеленыя лягушки съ любопытствомъ выглядывали изъ воды, дружнымъ хоромъ ведя свой концертъ и на минуту лишь прерывая его, услышавъ стукъ копытъ нашихъ лошадей.

Камыши были настолько велики, что закрывали совершенно всадника, сидящаго на лошади, и не давали возможности видѣть окрестности, за исключенiемъ гряды темныхъ горъ на горизонтѣ.

Порою ломая сухія заросли и шелестя камышами, мимо насъ проносился испуганный олень. Положивъ свои вѣтвистые рога на спину и вытянувъ шею, красивое животное сильными прыжками уходило въ заросли, съ ужасомъ смотря на группу людей своими печальными черными глазами. Нѣсколько разъ собаки съ громкимъ лаемъ кидались за ними вслѣдъ, но, наткнувшись на стебли камыша, мѣшавшіе ихъ бѣгу, съ сконфуженнымъ видомъ возвращались обратно.

Хлопая крыльями, съ рѣзкими криками срывались красныя фазаны и, поднявшись на воздухъ, перелетали дальше, прячась въ густыхъ заросляхъ. Утки цѣлыми стайками покрывали небольшія озера, ныряя въ воду при нашемъ приближенiи, а затѣмъ, вынырнувъ, уносились вверхъ, долго описывая широкіе круги въ воздухѣ... Длинноногіе кулики расхаживали по отмелямъ, а бѣлыя чайки и рыболовы все время носились надъ нами, своими унылыми пронзительными криками неприятно дѣйствуя на настроеніе.

Въ кишлакѣ Шааръ-Тузѣ пришлось стать на отдыхъ. Лошади значительно утомились, а полуденное солнце уже давало себя чувствовать.

Зеленые снопы сочнаго клевера, срѣзаннаго наканунѣ, были положены лошадямъ, поставленнымъ на приколахъ и накрытымъ теплыми попонами съ капорами для предохраненiя отъ солнечныхъ лучей.

Мы сами устроились подъ навѣсомъ, гдѣ продувалъ вѣтеръ и кисловатый айранъ ⁴⁾, поданный въ огромной мискѣ, давалъ возможность утолить жажду.

Напротивъ на противоположномъ берегу рѣки видѣлся кишлакъ Бакки, окруженный небольшою растительностью.

Рядомъ съ нами поднимались по арыку кусты инжира, красивые побѣги котораго съ сочными зелеными листьями выгодно выдѣлялись среди остальныхъ породъ кустарниковъ.

Представляя собою растеніе, распространенное по всей Азіи, инжиръ въ Бухарскомъ ханствѣ встрѣчается преимущественно въ садахъ; въ видѣ отдѣльныхъ кустовъ и особыхъ плантацій туземцы его не разводятъ. Родиной инжира считается Малая Азія, гдѣ особенно много разводятъ его въ окрестностяхъ Смирны, откуда ежегодно вывозится на нѣсколько милліоновъ рублей сушеной винной ягоды.

По внѣшнему виду плодовъ инжиръ бываетъ двухъ сортовъ: плоской формы лимонно-желтаго цвѣта съ мякотью бѣлаго и фіолетоваго цвѣта и слегка удлиненной формы съ мякотью розоваго цвѣта. Представляя собою крайне выгодное растеніе, не требующее особаго ухода, инжиръ имѣетъ всегда сбытъ, а потому крайне желателенъ для культивированія въ ханствѣ. Лучшими условіями для развитія этого растенія являются глинистая почва съ значительною примѣсью песку, обильное орошеніе и большой зной, при отсутствіи лѣтнихъ осадковъ. Разводится оно крайне легко при посредствѣ посадки черенками и уже на пятый годъ даетъ плоды. Для предохраненія же кустовъ отъ вымерзанія необходимо на зиму пригибать побѣги къ землѣ и засыпать ихъ землею, что легко исполнимо, благодаря большой гибкости инжира.

Давая урожай до 150 пудовъ сушеной винной ягоды съ десятины и не требуя особаго ухода, инжиръ является крайне выгоднымъ для владѣльца, принося до 300 слишкомъ рублей чистаго дохода съ такого участка, а потому на культуру этого растенія обращено особое вниманіе, для чего и производятся въ широкихъ размѣрахъ опыты на Кавказѣ на Сухумской опытной станціи.

До кишлака Чаршамбе протянулись, засѣянные пшеницею и джунгарою, участки, но видимо земледѣліе во всемъ этомъ районѣ, благодаря такой малой заселенности, занимаетъ крайне незначительную площадь пригодной для него земли и огромныя про-

⁴⁾ Айранъ—изъ кислаго молока.

странства плодороднаго леса, могущія быть легко орошенными, остаются неиспользованными, заростая тугаями и густымъ камышемъ. Почти все время встрѣчаются заброшенные арыки, а открытыя мѣста усыпаны остатками кирпича и глянценой посуды, служащими лучшимъ доказательствомъ, что край этотъ въ прошломъ былъ густо населенъ.

— Нѣтъ ли гдѣ либо развалины прежнихъ городовъ, не знаетъ ли Карауль-Беги?

— Есть, тюра, старыя калы; ихъ вездѣ очень много, но время все разрушило и лишь холмы, насыпанные людьми, остались нѣмыми памятниками прошлой жизни. Люди иногда находятъ разные деньги очень старыя, но только это не мусульманскіе государи ихъ дѣлали. У насъ нѣтъ такихъ муллъ, которые могли бы прочесть надписи на нихъ. Если деньги серебряныя, то ихъ армянинъ покупаетъ, когда прїѣзжаетъ за скотомъ и хлѣбомъ осенью, а мѣдныя пули ничего не стоятъ. Хочешь, тюра, возьми, у меня ихъ много, протянуль онъ мнѣ цѣлую гость мѣдяковъ, на которыхъ передо мною замелькали надписи именъ различныхъ бактрійскихъ царей, окружающія изъѣденные временемъ портреты на монетахъ.

Мѣстность между тѣмъ приняла волнистыя очертанія, составлявшія собою южный конецъ хребта Боба-тау, являющагося однимъ изъ многочисленныхъ отроговъ Гиссарскихъ горъ. На противоположномъ берегу весь горизонтъ былъ закрытъ горами Койчи-тау, мрачно темнѣвшими своими вершинами.

Безснѣжныя, покрытыя травами, горы Койчи-тау лишь въ восточной и южной части представляютъ собою каменистыя пустынные горы, почти лишенныя растительности, и въ тоже время на своихъ склонахъ и долинахъ имѣютъ прекрасныя пастбища, покрытыя густыми сочными травами, на которыхъ съ половины мая появляются стада барановъ, пригоняемыхъ съ выжженныхъ къ этому времени равнинъ.

Помимо обыкновенныхъ барановъ въ этой части ханства встрѣчается большое количество такъ называемыхъ каракулевыхъ овецъ.

Привезенная въ далекое время арабами изъ Аравіи, каракулевая овца отлично акклиматизировалась въ Средней Азіи, гдѣ, въ особенности въ Бухарскомъ ханствѣ, ея разведеніе упрочилось и достигло значительныхъ результатовъ въ отношеніи улучшения этой породы внимательнымъ подборомъ производителей.

Сохранивъ среди бухарцевъ свое названіе арабы, т. е. аравій-

ская, порода эта у русскихъ получила особое наименованіе каракульской отъ имени озера Кара-Куля (чернаго озера) съ городомъ того же имени, лежащимъ невдалекѣ отъ г. Бухары, около котораго, главнымъ образомъ, и сосредоточивается торговля каракулевыми шкурками.

Каракулевая овца принадлежитъ къ числу крупныхъ представителей, отличаясь по своему складу отъ другихъ разновидностей. Покрытая густою шерстью коричневаго и свѣтло-сѣраго цвѣта, съ мордою и ногами чернаго цвѣта, каракулевая овца не имѣетъ курдюка на хвостѣ и встрѣчается во всей степной части Бухарскаго ханства и по берегамъ Аму-Дарьи, но главнымъ мѣстомъ ея разведенія является безбрежная степь Урта-Чуль, лежащая между г. Бухарой, Каршами и Каракулемъ, а кромѣ того Керкинское, Кабадианское и Курганъ-Тюбинское бекства.

Пожилой киргизъ съ небольшою сѣдою бородою, одѣтый въ сильно поношенный халатъ, сдѣлавъ почтительный куадукъ, подошелъ къ Карауль-Беги и, сказавъ нѣсколько словъ ему, протянуль цѣлый пучекъ какихъ то палочекъ съ зарубками, сдѣланными ножомъ.

Карауль-Беги, взявъ ихъ въ руки, сталъ внимательно пересчитывать.

— Что это такое? спросилъ я, заинтересовавшись, этого правовѣрнаго.

— Вотъ видишь, тюра, пришелъ человекъ, который за барантой смотритъ—бекъ приказалъ сосчитать, сколько теперь есть шкурокъ на продажу.

— А когда начинаютъ рѣзать барашковъ?

— Рано, тюра, съ марта мѣсяца. Самыя лучшія шкурки получаютъ отъ очень молодыхъ; ихъ иногда рѣжутъ въ тотъ же день, когда рождаются, а то черезъ 7—8 дней. Шкурки очищаютъ, просаливаютъ, затѣмъ растягиваютъ и высушиваютъ на солнцѣ. А мясо ѣдятъ. Прежде были недороги, а теперь все дороже и дороже становятся эти шкурки; отъ 70 до 100 р. за десятокъ купцы платятъ, а есть такія шкурки, что за одну можно получить 25—50 руб... Но, тюра, говорятъ, что въ большихъ городахъ ихъ продаютъ еще дороже.

Я вспомнилъ всѣ условія торговли каракулемъ и долженъ былъ согласиться.

Скупкою каракуля, помимо мѣстныхъ бековъ, покупающихъ ихъ и принимающихъ также за подать и затѣмъ сдающихъ главному

казначею ханства, въ Бухарѣ занимаются армяне, перепродающіе ихъ особымъ торговцамъ, являющимся агентами нѣсколькихъ крупныхъ русскихъ фирмъ. Весь скупленный каракуль (эмирскій отправляется съ особыми чиновниками) привозится на Нижегородскую ярмарку, гдѣ покупается въ Москву и за границу. Но самая выдѣлка и краска шкурокъ производятся почти исключительно за границею въ г. Лейпцигѣ и уже оттуда въ отдѣланномъ видѣ онѣ ввозятся снова въ Россію.

Общее число вывозныхъ шкурокъ достигаетъ 2 милліоновъ штукъ, цѣна которыхъ выражается въ 15—18 милліоновъ руб.

Каракулевое овцеводство крайне выгодно, такъ какъ овца ежегодно приноситъ одного-двухъ ягнятъ, стоимостью отъ 6 до 10 руб., въ зависимости отъ качества шкурокъ. Кромѣ того даетъ шерсть, которая стрижется два раза въ годъ, весною и осенью. Часть молока употребляется на выдѣлку масла и сыра. Средняя цѣна каракулевой овцы отъ 15 до 20 руб., бараны же продаются по цѣнѣ до 50 руб. Предѣльный возрастъ овцы отъ 7 до 10 лѣтъ.

Всѣ эти выгодныя стороны каракулеваго овцеводства привлекли къ нему особое вниманіе овцеводовъ юга Россіи, Бессарабіи и Кубанской области, которые, выписавъ изъ Бухары производителей, начали разведеніе этой породы на югѣ Россіи.

Удачный опытъ покупки нашель подражателей въ лицѣ земства Полтавской губ., а затѣмъ администраціи Закаспійской области и даже Румынскаго правительства. И по всѣмъ даннымъ каракулевая овца, при помощи метизаціи съ мѣстными породами, разведется во многихъ мѣстахъ южной Россіи.

Обыкновенно, въ этомъ случаѣ дѣлается въ стадѣ замѣна обыкновенныхъ барановъ каракулевыми; затѣмъ получаемые метисы вновь съ ними скрещиваются, устраняя при этомъ неудачныхъ, благодаря чему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ все стадо превращается въ каракулевое, получая типъ, малоотличающійся отъ настоящаго.

Кишлакъ Чаршамбе, судя по базару, имѣлъ не особенно многочисленное населеніе, хотя вокругъ кишлака и лежали обработанныя поля. Напротивъ невдалекѣ на лѣвомъ берегу расположенъ кишлакъ Башъ-Тимуръ, получившій, повидимому, свое названіе отъ головы арыка, выведеннаго изъ рѣки. Обыкновенная переправа лежала выше Кабадіана, на дорогѣ изъ г. Ширабада въ Курганъ-Тюбе, но такъ какъ намъ тогда, пройдя верстъ сорокъ по правому берегу и переправившись черезъ рѣку, вновь пришлось бы возвращаться къ Кабадіану, то я рѣшилъ попытаться переправиться противъ кишлака Башъ-Тимуръ.

Срѣзавъ нѣсколько толстыхъ сноповъ камыша и связавъ ихъ крѣпко вмѣстѣ, я сѣлъ на этотъ плотъ, положивъ на него вещи, и, держа лошадь въ поводу, оттолкнулся палкою отъ берега. Быстрое теченіе моментально подхватило плотъ и понесло его внизъ. Лошадь, фыркая и храпя, плыла сзади, вытянувъ по водѣ голову и все время внимательно смотря на меня своими умными глазами.

Проплывъ четверть версты, плотъ сталъ описывать по теченію широкой кругъ, постепенно приближаясь къ противоположному берегу, и, наконецъ, попавъ въ сильную струю, понесся около самаго берега, обрывомъ спускавшася къ водѣ. Замѣтивъ невдалекѣ пологій скатъ, я схватился за вѣтви кустарниковъ, росшія надъ самою водою, и, выбросивъ предварительно вещи на берегъ, выскочилъ самъ, а затѣмъ съ большимъ трудомъ, скользя и падая, вытянулъ лошадь.

Переправа, казавшаяся такой легкой съ берега, оказалась очень опасной и, выйдя на берегъ, я чувствовалъ себя утомленнымъ и совершенно разбитымъ. Мои люди переправились также хорошо, но всѣ мы долго лежали на берегу, отдыхая.

— Отчего же Карауль-Беги не сказалъ мнѣ, что переправа такая опасная и трудная?

— Когда тюра меня спрашивалъ, можно-ли, я отвѣтилъ «иншалахъ», по нашему, какъ Богъ дастъ... Кончилось хорошо, слава Аллаху, а на такой переправѣ въ благополучномъ концѣ увѣреннымъ быть никогда нельзя. Но тюра не обратилъ на это слово своего вниманія.

Весь лѣвый берегъ былъ покрытъ засѣянными полями. Глубокіе многоводные арыки несли массу воды, орошая широкую равнину, по которой протекала рѣка, струясь среди низкихъ береговъ и отдѣливъ отъ себя широкой протокъ, начинавшійся около переправы Башъ-Чарбагъ.

Большая растительность разстилалась по всей равнинѣ, среди которой виднѣлись куртины деревьевъ и сады, окружавшіе сакли широко разбросанныхъ по ней кишлаковъ.

Глава IV.

Кабадіанъ.

Самый городъ Кабадіанъ былъ видѣнъ разстилавшимся у подножья довольно высокаго холма, на которомъ построена старая крѣпость—кала, являвшаяся резиденціей прежнихъ Кабадіанскихъ мировъ.

Насчитывая свыше двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ своего существованія, Кабадіанъ дѣлается извѣстнымъ со времени его осады войсками Александра Македонскаго въ III вѣкѣ до Р. X. Несмотря на такую древность, остатковъ прежней жизни, въ видѣ старинныхъ построекъ, въ немъ найти нельзя. Время и люди разрушили все, что находилось на поверхности земли, и лишь въ ея нѣдрахъ, засыпанные золою пожаровъ и прикрытые слоемъ наносной земли, погребены остатки фундаментовъ и стѣнъ, находимыхъ нынѣшними его жителями при производствѣ земляныхъ работъ.

Масса монетъ, оружіе, глиняная посуда, прекрасно обожженные изразцы съ глазурью всѣхъ цвѣтовъ почти постоянно попадаютъ при устройствѣ новыхъ арыковъ, указывая на существованіе древняго города, постройки котораго были разбросаны на огромномъ пространствѣ прирѣчной долины, омываемой съ одной стороны водами рѣки Кафернигана, а съ другой огромнымъ протокомъ, выведеннымъ изъ нея и представляющимъ по количеству воды также цѣлую рѣку.

Примыкая къ подножію отдѣльно стоящей горной вершины, носящей названіе Кабадіанъ-тау, Кабадіанъ когда-то составлялъ особое независимое владѣніе, которое китайскій монахъ Сюань-Цзань, посѣщавшій въ III вѣкѣ, называетъ Кіо-хо-уеп-па.

Находясь вдали отъ Бухары, Кабадіанскій миръ то былъ совершенно независимъ, то подчинялся мирамъ Гиссарскимъ, съ которыми находился въ родствѣ, и, наконецъ, ведя постоянную борьбу съ афганскими ханствами Ташъ-Курганомъ и Кундузомъ, онъ одно время былъ захваченъ афганцами, долго считавшими это бекство принадлежащимъ къ территоріи Афганистана и ведшихъ войну изъ за него съ бухарскими эмирами.

Долголѣтнее владычество афганцевъ, переселившихся въ значительномъ числѣ въ Кабадіанъ, отразилось также и на внѣшнемъ видѣ города, въ которомъ въ большемъ количествѣ встрѣчаются постройки афганскаго типа съ куполообразными крышами. Лишь въ концѣ прошлаго столѣтія Кабадіанское бекство, какъ и всѣ земли, лежавшія на правомъ берегу Аму-Дарьи, вновь было возвращено Бухарѣ и съ тѣхъ поръ бухарскій бекъ поселился прочно въ городѣ, подчиненномъ также и гиссарскому Кушъ-Беги, пользующемуся по отношенію этого пограничнаго бекства властью генераль-губернатора.

Населеніе Кабадіанскаго бекства особенно пестро по своему составу: киргизы, узбеки, афганцы, цыгане, индусы, арабы посе-

лились въ немъ разновременно, привлекаемые одни массою свободныхъ земель, а другіе, ища убѣжища внѣ Афганистана, гдѣ надъ многими тяготѣли различныя преступленія.

Находясь на прямой дорогѣ между афганскими городами Кундузомъ, Ташъ-Курганомъ и бухарскимъ городомъ Гиссаромъ, Кабадіанъ игралъ раньше значительную роль въ торговлѣ, но въ послѣднее двадцатилѣтіе, съ постройкою Самаркандско-Термезской дороги и возникновеніемъ Керковъ и Термеза, торговое движеніе стало совершаться черезъ эти города, чему способствовало отсутствіе хорошихъ путей сообщенія между Кабадіаномъ и Гиссаромъ, а также и другими сосѣдними съ ними городами.

Узкія кривыя улицы, пересѣкавшіяся въ различныхъ направленіяхъ, подтверждали, что городъ, какъ и всѣ бухарскіе города, построенъ былъ безъ всякаго плана, и населеніе, осѣдая въ немъ, строило въ центрѣ свои жилища скученно, оставляя лишь небольшіе между ними проходы; по мѣрѣ же удаленія отъ торговой части къ окраинамъ, постройки ставились въ большомъ другъ отъ друга разстояніи, примыкая къ большимъ дворамъ и садамъ.

Большая главная мечеть изъ сѣраго жженаго кирпича мрачно возвышалась передъ нами, заканчиваясь куполомъ; въ серединѣ заросшаго травою двора съ колодцемъ, окруженнымъ куртиною деревьевъ, виднѣлась медрессе, съ массою небольшихъ дверей, выходящихъ на террасу.

Старая мечеть неволью раньше всего привлекла мое вниманіе и, рѣшивъ ее осмотрѣть, я остановилъ лошадь передъ главными воротами во дворѣ.

Нѣсколько прохожихъ, заинтересовавшись моимъ прїѣздомъ, подошли ближе и, замѣтивъ, что я хочу слѣзть съ лошади, тотчасъ же бросились помогать, придерживая лошадь подъ уздцы и почти подъ руки сняли меня съ сѣдла, поставивъ на землю.

Въ мечети было много народу. Стоя правильными рядами на пыновкахъ, босые, сосредоточенно-важные мусульмане собрались для вечерней молитвы. Впереди виднѣлся старикъ имамъ съ бѣлою серебряною бородою. То стоя неподвижно и вполголоса произнося слова моленій, то падая ницъ на землю и долго лежа неподвижно, старикъ молился истово и глубокою вѣрою свѣтились его темные глаза. Какъ по командѣ, глядя на его движенія, вся огромная толпа людей становилась на колѣни, дѣлала земные поклоны, бросая въ тоже время взгляды по сторонамъ и, повидимому, выполняющая обрядовую сторону религіи совершенно механически.

Приложивъ большіе пальцы рукъ къ своимъ ушамъ и раскрывъ ладони въ знакъ того, что уши отверсты для слушанія слова Божьяго, имамъ долго стоялъ въ такомъ положеніи, какъ красивое изваяніе, затѣмъ, раскрывъ старую книгу въ кожаномъ переплетѣ, внятнымъ привычнымъ речитативомъ сталъ читать очередную суру ⁵⁾ Корана. И вся толпа зашептала слѣдомъ за нимъ слова пророка, сказанныя много вѣковъ тому назадъ.

— Аллахъ Акбаръ—Великъ Богъ! уже громкимъ возгласомъ закончилъ старикъ чтеніе, съ благоговѣніемъ закрывая книгу и кладя ее на мѣсто.

— Благословеніе Аллаха да сопутствуетъ путешествующимъ, привѣтливо обратился онъ тутъ же ко мнѣ, подходя ближе. Прошу сдѣлать милость и отдохнуть подъ кровлею дома, посвященнаго Творцу Вселенной.

Сопровождаемые нѣсколькими муллами, мы вышли на террасу, гдѣ тотчасъ же была разостлана кошма и поставлено нѣсколько чайниковъ и чашекъ для чая, среди приготовленнаго достархана.

Прихлебывая горячій зеленый кокъ-чай, я съ большимъ удовольствіемъ вступилъ въ разговоръ съ симпатичнымъ и начитаннымъ имамомъ.

Вокругъ насъ присѣло довольно много муллъ, съ интересомъ прислушивавшихся къ нашему разговору.

Съ большимъ знаніемъ и полнымъ отсутствіемъ фанатизма старикъ очень охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, интересовавшіе меня, касавшіеся мусульманской религіи.

— Отчего это такъ, невольно удивился я, почтенный имамъ находить возможнымъ бесѣдовать со мною, невѣрнымъ, о дѣлахъ вѣры, а между тѣмъ другіе, къ которымъ я обращался съ этимъ, всегда уклонялись и не хотѣли говорить?

— Ахъ, тюра, это лишь потому, что мало кто знаетъ все то, о чемъ ты спрашиваешь. Тотъ же, кто много учился, можетъ почти на все отвѣтить и всякое дѣло для него ясно. Разумѣется, не всякому дана такая мудрость, какъ имаму АбуЮсуфу, да прославится его имя во вѣки, но все же есть знающіе и теперь люди. Ты слыхаль о немъ, тюра?

Онъ былъ великій мудрецъ. Звали его Якубъ-Бенъ-Ибрагимъ-Бенъ-Хабибъ-Аль-Куфа, но всѣ привыкли къ его короткому имени Абу-Юсуфъ. Жилъ онъ въ царствованіе высоко-мудраго халифа—Гарунъ-аль-Рашида, который сдѣлалъ его казіемъ (судьей) въ

⁵⁾ Сура—глава.

Багдадѣ, а затѣмъ и возвелъ въ должность кази-уль-куззатъ—все-равно, какъ въ Бухарѣ кази-каллянъ.

И не было въ то время казія мудрѣе его. А на каждый самый трудный вопросъ онъ могъ дать правильный отвѣтъ и даже самъ халифъ пользовался, когда нужно, его совѣтами въ дѣлахъ. И всегда рѣшеніе Абу-Юсуфа было правильно и согласно съ шаріатомъ.

Вотъ самъ посуди, до чего онъ былъ мудръ.

Однажды, во время одной изъ своихъ прогулокъ, проходилъ халифъ мимо садовъ своего родного брата Ибрагима. Цвѣли розы въ саду, распространяя аромат, и журчали фонтаны, уменьшая жару и насыщая горячій воздухъ свѣжестью своихъ холодныхъ брызгъ. Все вокругъ было красиво и такъ радовало взоръ, что великій халифъ засмотрѣлся, а въ это время, снявъ съ себя покрывало и ставъ на краю водоема, внезапно изъ-за зелени вышла красивая дѣвушка—наложница Ибрагима. И было ея стройное тѣло такъ красиво, что зажглась огнемъ желанія кровь въ жилахъ у халифа и захотѣлъ онъ имѣть ее во что бы то ни стало.

Жаль было Ибрагиму продавтъ женщину, доставлявшую ему много утѣхъ, но, ничего не подѣлаешь, воля халифа священна и хотя онъ и назначилъ за нее страшно дорогую цѣну, думая, что пожалѣетъ денегъ халифъ, но ошибся. Приказалъ Гарунъ-аль-Рашидъ уплатить и въ ту же ночь захотѣлъ сдѣлать красавицу своей наложницей.

Смутились всѣ окружающіе его люди—нельзя было сдѣлать такого грѣха, ибо по шаріату братъ не можетъ жить съ наложницею своего брата, пока она не прошла черезъ руки другого. Но не хотѣлъ халифъ, чтобы кто-либо владѣлъ до него красавицею. И обратился онъ тогда за разрѣшеніемъ вопроса къ казію Абу-Юсуфу.

Недолго размышлялъ казіи. Зналъ онъ шаріатъ и сейчасъ же посовѣтовалъ своему повелителю выдать ее замужъ за раба, съ условіемъ, чтобы онъ послѣ свадьбы сейчасъ же бы выдалъ ей разводъ.

Такъ и сдѣлали все. И женщина сдѣлалась женою раба, но самъ рабъ, какъ только увидѣлъ красавицу, забылъ свое обѣщаніе и не захотѣлъ ей дать развода. Рѣшилъ онъ, что лучше самому съ такой красавицей остаться, чѣмъ давать ей разводъ и отдавать другому, хотя и предлагалъ ему халифъ за это 100 тысячъ золотыхъ тилъ ⁶⁾).

⁶⁾ Монета—въ 5 рублѣй.

Снова обратился тогда халифъ къ казію Абу-Юсуфу.

Призвалъ казіи всю силу своей памяти и далъ снова правильный совѣтъ.

«Подарить раба женщинѣ, на которой онъ женился, потому что по шаріату такой бракъ признавался уже недѣйствительнымъ, такъ какъ свободная мусульманская женщина не можетъ быть женою своего раба».

Обрадовался очень халифъ, написалъ бумагу, что дарить раба красавицѣ; приложилъ къ ней свою печать и тогда казіи Абу-Юсуфъ сейчасъ же выдалъ ей разводъ, а въ тотъ же вечеръ наложница Ибрагима, какъ уже бывшая замужемъ за другимъ, сдѣлалась наложницей его брата халифа. И всѣ люди славили мудраго казія, для котораго не было ничего неизвѣстнаго....

Подивившись въ душѣ тонкостямъ мусульманской казуистики, которая и въ настоящее время въ такомъ большомъ ходу среди законовѣдовъ всего Востока, я, посидѣвъ еще немного, простился съ радушнымъ старикомъ и направился къ беку.

Д. Логофетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

